

УДК 130.2:32

СТАНОВЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАТУСА ЗНАНИЯ

Ан.А. Корниенко, А.В. Корниенко

Томский политехнический университет

E-mail: anna_kornienko@mail.ru

Обосновывается тезис о том, что становление коммуникативно-информационного общества представляет собой, по сути, процесс распространения преобразованного в информацию прикладного научного знания на все сферы социальности.

Ключевые слова:

Информация, трансформация, знание, статус, власть.

Key words:

Information, transformation, knowledge, status, authority.

В существующих аналитических суждениях о сущности и природе власти знания в коммуникативно-информационном обществе, на наш взгляд, следует выделить в качестве фундаментального принципа анализ коммуникативного аспекта данного феномена. Сосредоточение исследовательского внимания на конститутивной обусловленности информационной власти коммуникативной природой социума позволяет в ряду новых форм властных практик уделить должное внимание и манипулятивным техникам, осуществляемым через управление коммуникациями и их содержанием, что свойственно постметафизическому образу функционирования информации.

В условиях деконструкции метафизической парадигмы изучение классических властных отношений и их трансформации в контексте коммуникативно-информационной социальности позволяет вскрыть причины распада гносеологической структуры мира (разрыв с миром истины, допустивший плюралистичность и децентрализацию субъекта социального действия) как предпосылки и основания для манипулирования массовым сознанием. Не менее важно в этом контексте, наряду с анализом классических властных отношений, исследовать трансформацию и особенности функционирования информационной власти как постметафизического феномена, преобразующего всю классическую структуру властных отношений в структуру властных отношений коммуникативно-информационного общества.

Обусловленность информационной власти коммуникативно-информационным состоянием социума вполне очевидна, если речь идёт о медиа-сфере, ибо именно эта сфера наиболее адекватна постметафизическому определению социальности в качестве её онтологии, поскольку информативность общества без его коммутативности невозможна, как невозможна и реализация информационной власти вне коммутативности социальности. В этом контексте статусные особенности, функционирование и природа информационной власти раскрываются через структуру и содержание средств и методов её осуществления посредством массовых коммуникаций.

Специфика предлагаемого в данной работе исследовательского подхода состоит в попытке рассмотреть феномен трансформации знания и информационной власти в социально-философском контексте именно того общества, в котором знание, трансформированное в информацию, обретает онтологический статус феномена, преобразующего также и систему властных отношений в рамках коммуникативной социальности. В связи с этим перед исследователем возникает множество вопросов: становление коммуникативно-информационного общества; статус информационной власти в горизонте коммуникативно-информационной социальности; структурирование коммуникативно-информационного общества; конструирование политической реальности и виртуализация политического процесса и др.

Для поиска ответов на означенные вопросы концептуально значимой является идея «смещения власти» в процессе становления коммуникативно-информационной социальности, включающая: распад существующих властных структур и возникновение новых; радикальные сдвиги в соотношении социальных сил в структуре власти; перераспределение власти. Иначе говоря, трансформация затрагивает не только структуру власти, но и её основания: если до трансформации основными факторами социальной власти выступали «насилие и богатство», то в XXI в. список властных факторов расширен за счёт такого фактора, как знание. Мало того, изменился не только состав факторов социальной власти, но изменилось также соотношение сил этих источников власти в коммуникативно-информационном обществе в пользу знания: теперь знание становится средством обретения и силы, и богатства, и власти. В качестве средства осуществления информационной власти всё чаще рассматривается информационная техника как единство её материальной (*hardware*) и интеллектуальной (*software*) компонент, в определённой степени выражающая экзистенциальную и интеллектуальную природу человека и многократно увеличивающая его способности к восприятию и обработке информации.

Становление кооммуникативно-информационной социальности обнаруживает органичную связь с трансформацией знания: знание, преобразованное в информацию (прикладное знание), обретает способность к трансформации социокультурной онтологии и становится важнейшим властным ресурсом, трансформирующим и структуру властных отношений. Этим объясняется и культурное состояние рубежа XX – XXI вв., которое аналитики постмодернистской ориентации (М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар, К. Хельд, Р. Бахрах, М. Баратц, У. Браун, П. Клотц, В. Фурс) охарактеризовали как состояние постоянной динамики, маргинальных пересечений, «мерцания смыслов». Деконструктивистские процессы в философии и культуре, обусловленные трансформацией (теоретического) знания в информацию (прикладное знание), обусловили и трансформацию статуса истинного (фундаментального) знания, инициировав появление идей контекстуальности, ситуативности, лингвистичности обоснования истины, что вполне адекватно, на наш взгляд, прикладному характеру информации. Таким образом, гносеологическая власть истины, служившая базисной установкой классической философии, ориентированной на единое «начало», «первооснову», трансформировалась во множество идей истины частного характера, свойственных прикладным сферам использования знания в виде информации.

Деконструктивным процессам в метафизике сопутствовал культурный резонанс: мир культуры стал восприниматься как «ризомный» (Ж. Делез), «жизненный мир» (Э. Гуссерль), «повседневность» (М. Хайдеггер, Б. Вальденфельс), поликультура. Коснулась трансформация также онтологии социальности и культуры, возникли направления, в пределах которых исследователи (Ю. Хабермас, К. Хельд, В. Фурс) обратили внимание на специфичность коммуникативной онтологии как неотъемлемо связанной с информационным характером общества. Анализируя взаимосвязь коммуникативной социальности и информационности общества, исследователи (Ж. Подгурецкий, Ж. Бодрийяр, Ю. Хабермас, Ж. Деррида, П. Бурдьё) увидели её в том, что заполняющая социальные сферы информация наделяет их движением и непрерывным изменением, преобразующим все сферы социума. Д. Белл и О. Тоффлер обратились к исследованию трансформации статуса экономического фактора, а М. Баратц, П. Клотц, Р. Бахрах – к изучению власти знания в информационном обществе. В поле исследовательских интересов появились такие идеи, как «распыление», «смещение» власти и социокультурные последствия, которые это «распыление», «смещение» влекло. Речь идет о возникновении меритократии (М. Янг), формировании новой классовой структуры (Д. Белл, А. Турен, Ф. Махлуп), о новой природе бюрократии и предпосылках преодоления ее влияния (У. Браун, А. Мартелл, А. Хонор, Б. Губл, Г. Маркузе, А. Ингледард).

Приведённые выше направления исследований и суждения исследователей подтверждают наше мнение о том, что становление коммуникативно-информационного общества по сути представляет собой процесс преобразования знания в информацию (прикладное знание) и её распространения через коммуникации на все сферы социальности, инициируя их трансформацию.

Столь пристальный интерес к перечисленным проблемам обусловлен реальным изменением статуса знания в коммуникативно-информационной социальности, в которой власть истины, служившая основополагающим принципом построения научного знания, была трансформирована в социокультурную власть информации в постиндустриальном обществе. Такая трансформация властных отношений в информационном обществе выдвинула в число важнейших ряд аналитических проблем философско-социокультурного плана: выявление механизма превращения знания в информацию; анализ соотношения гносеологической и социокультурной власти знания в информационном обществе; выявление социокультурной взаимосвязи властных отношений в информационном обществе; анализ философских оснований и предпосылок формирования новых социальных структур в информационном обществе.

Важнейшим в условиях новой социальности является также вопрос о том, как под влиянием процессов превращения знания в информацию трансформируется социальная структура, меняется ось социальной дифференциации, формируются новые социальные слои с учётом того, что ось социальной дифференциации в новых условиях располагается не по вертикали, а по горизонтали (в зависимости от уровня образованности и владения знаниями), как появляется «оверстрат» интеллектуалов, удерживающих функции управления в экономике и политике благодаря тому, что владеют знаниями.

Существенным для решения означенных вопросов является тот факт, что онтология социальности тесно связана с ролью, которую выполняет информация в пределах социальности. Иллюстрацией к сказанному может служить уже упоминавшееся положение о том, что информация играет роль дестабилизирующего фактора: для классического знания в качестве центра выступает истина; превращаясь в современную форму знания, информация утрачивает этот центр, теряет своё системное единство, «рассыпается», «рассеивается». В результате формируется та онтология, предназначение которой состоит в том, чтобы «схватить» «рассыпанную» социальность, в чём и видится основная роль коммуникативной онтологии сторонникам этой идеи. Нам же она применительно к научному знанию представляется чрезмерной абсолютизацией. Каждое теоретическое знание получает множество интерпретаций в различных предметных областях, дополняется положениями и законами, присущими лишь этим предметным обла-

стам, но не утрачивает полностью своей связи с базовой теорией. Что касается медиа-сферы, то такая абсолютизация, пожалуй, вполне согласуется с реалиями в этой области.

В социокультурном плане идея о «рассыпанной» власти знания представляется более продуктивной. Процесс становления информационного общества затрагивает и социокультурные аспекты властных отношений. Если раньше истина представлялась как воплощение её власти над знанием и культурой, то деструктивизм в культуре XX в. поставил под сомнение такую интерпретацию власти истины. В результате пониманию власти как централизованной приходит на смену видение власти как «распылённой», проникшей в периферийные структуры социума. Таким образом, процесс распространения информации, замещающей знание, превращается в процесс формирования новых межличностных отношений и представлений о сути и назначении власти в условиях информационной социальности. Как отмечают аналитики [1–3], концептуальная модель постиндустриального общества эволюционирует в направлении теоретических построений, выдержанных в социокультурном ключе, что, очевидно, требует анализа самых различных социокультурных феноменов (политических, организационных, массовых коммуникаций и т. д.). Так, по мнению Д. Гэлбрейта, исследовавшего «анатомию» власти, социокультурный контекст оказывает существенное влияние на её характер: в традиционном обществе это «заслуженная» власть; в индустриальном обществе это «компенсирующая» власть (частная собственность и вознаграждение), в постиндустриальном обществе власть достигается через овладение знанием, благодаря чему складывается «невидимое сообщество людей с просветлённым пониманием будущего». Знание, таким образом, становится важнейшим стратегическим ресурсом власти и управления.

Аналитики С. Нора, А. Минк, М. Постер, П. Друкер, и М. Кастельс выполнили масштабный анализ тенденций развития информационного общества. В монографии «Информационная эпоха» [4] информационная эра представлена М. Кастельсом как эра глобализации, поскольку владение, сбор, анализ и передача информации превращены в источники роста производительности и власти: «...новая власть заключается в информационных кодах, в представительских имиджах, на основе которых общество организует свои институты, а люди строят свои жизни и принимают решения относительно своих поступков. Центрами такой власти становятся умы людей. Вот почему власть в информационный век одновременно можно идентифицировать и нельзя уловить. Мы знаем, что она собой представляет, однако неспособны уловить её, поскольку она является функцией бесконечной битвы вокруг культурных кодов и кодексов общества. Вне зависимости от того, кто выйдет победителем в битве за умы людей, именно он бу-

дет править миром, поскольку в обозримом будущем никакие громоздкие, неповоротливые механизмы не смогут соперничать с умами, опирающимися на власть гибких, многовариантных сетей» [4. С. 341].

Обретение знанием посредством информации статуса ресурса власти проявилось в расширении сферы применения знания в прикладной его форме в целях управления, научное обоснование управления из сферы государственно-политической распространяется на все социальные структуры. Таким образом, именно в социокультурной области знание посредством информации обретает статус ресурса власти и управления. Распространение знания в информационной форме радикально трансформирует культуру, а знание как информация приобретает культурное значение: Д. Белл характеризует распространяемое знание как оплачиваемую «интеллектуальную собственность», как «составную часть социальных инвестиций». Р. Акофф формулирует своё представление о роли знания в культуре в виде модели процесса становления статуса знания в культуре: данные-информация-знание-понимание-мудрость. П. Друкер считает, что распространяемое в информационной форме знание лежит в основе любой сферы современной социокультурной деятельности.

Сказанное выше о влиянии знания в виде информации на социокультурные процессы заставляет обратить внимание не только на прикладной характер информации как формы представления знания, но и на другие аспекты содержания этого понятия. Само слово «информация» (от латинского *informatio* – сведения) ввёл в употребление в XX в. Клод Шеннон применительно к теории связи и кодирования, получившей затем название «теория информации». Строгого определения понятия «информация» до сих пор не существует и в различных областях оно трактуется по-разному: в быту – это любые воспринимаемые человеком сведения об окружающем мире; в технике – это любые сообщения, передаваемые с помощью сигналов или символов; информация в теории информации, согласно К. Шеннону, – это сведения, уменьшающие неопределённость (энтропию). Можно ли эти точки зрения как-то привести к некоему «общему знаменателю»? Попробуем это сделать, выделив основные аспекты этого феномена.

Прежде всего, информация – это содержание сообщения, передаваемого от одного субъекта (отправителя) другому (получателю), который должен быть способен его воспринять и понять. Однако, не всякое такое сообщение несёт информацию его получателю. Сообщение несёт информацию для получателя, если его содержание:

- а) соответствует действительности, отражает реальное положение вещей (в противном случае это дезинформация);
- б) несёт новое для получателя знание (в противном случае оно не представляет интереса для получателя);

в) является полезным для получателя, поскольку способствует решению каких-то важных для него проблем (в противном случае сообщение тоже не представляет для него интереса).

Таким образом, содержание сообщения несёт информацию для получателя, если оно представляет собой объективное, новое и полезное для получателя знание.

Субъективная сторона данного феномена отражает зависимость информационной значимости содержания сообщения для получателя от его способности к восприятию содержания сообщения, от его потребности в получении этого знания и от его текущей осведомлённости.

Объективная сторона данного феномена состоит в том, что информация, доставленная получателю сообщением, для него тем более ценна, чем больше её соответствие реальному положению вещей (достоверность, точность, полнота, актуальность).

Предложенная интерпретация понятия информации не противоречит определению информации, используемому в теории информации К. Шеннона, поскольку прирост осведомленности получателя сообщения означает соответствующее уменьшение неопределённости его состояния. Более того, как отмечает И.В. Мелик-Гайказян, между убывлю энтропии и приростом информированности системы, хотя и существует тесная взаимосвязь, но она различна в различных ситуациях и нелинейна [7. С. 31]. Поэтому качественная оценка информационной содержательности сообщения, с учётом её обусловленности субъективными характеристиками получателя сообщения, мы полагаем, вполне уместна.

Определяющим фактором существования общества и культуры становятся коммуникации, развитие которых превращает общество в коммуникативно-информационное, в процессе функционирования которого образуется положительная обратная связь: потребности в распространении знания стимулируют развитие системы коммуникаций, которая, в свою очередь, открывает новые возможности для распространения знания. В результате такое общество функционирует как саморазвивающаяся система, в которой коммуникации проявляют себя в качестве онтологии культуры. Фактор же развития коммуникаций выступает как культуурообразующий, порождая процессы социокультурных трансформаций. Вполне обоснованно такое общество можно квалифицировать как коммуникативное.

Применительно к проблеме трансформации власти знания О. Тоффлером предложена концепция знания как ресурса власти и управления в его исследовании «Смещение власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века», в котором автор

анализирует ситуацию трансформации власти, в ходе которой распадаются существующие в мире структуры власти и формируются совершенно новые [5. С. 3]. Феномен «смещения» власти автор объясняет трансформацией природы власти, в результате которой традиционная власть силы и богатства уступает свои доминирующие позиции власти знания, а культура нового типа открывает новые способы обретения общественного богатства посредством знания в условиях «суперсимволической экономики». Процесс «смещения власти» означает не её перемещение куда-либо, а трансформацию способа реализации власти, в результате которой получение общественного богатства оказывается зависимым от распространения информации и коммуникативных отношений.

Понятие информационного общества ассоциируется с распространением знания в виде информации (в предложенной нами интерпретации). Со становлением информационного общества (общества распространения знания) неразрывно связано становление сервисной отрасли экономики, ориентированной на оказание услуг, требующих либо привлечения специалистов, владеющих необходимым научным знанием (в этом случае распространяются продукты применения научного знания без существенного роста научной информированности потребителей услуг), либо передачи информации, содержащей необходимое для решения проблемы потребителя научное знание (в этом случае действительно имеет место распространение и интерпретация научного знания применительно к предметной области потребителя). Однако, в том и в другом случае контроль над информацией определяет реальную власть как в экономике, так и в политике. Вместе с тем, процесс распространения научного знания и продуктов его применения способствует тому, что промышленное производство постепенно обретает статус «ментального производства», характерный для общества, определяемого как знаниевое общество, общество знания, общество, основанное на знании (*Knowledge based Society*). Характерной чертой общества, основанного на знании, является его способность создавать продукты, не существующие в природе, и решать проблемы, разрешимые исключительно на основе научного знания (выход человека в космос, например).

В заключение отметим, что предложенная в статье интерпретация понятия информации позволила дифференцировать постиндустриальный период в эволюции социальности и выделить в нём этапы становления коммуникативно-информационного и знаниевого общества как специфические этапы в распространении научного знания в социуме, своеобразии которых, однако, требует дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакун Л.А., Шумаван А.И. Что за «третьей волной»? // Полис. – 1991. – № 5. – С. 19–42.
2. Земсков А. Информационное общество – открытое общество // Новая книга. – 1998. – № 8. – С. 28–41.
3. Пугачев В.П. Информационный тоталитаризм как перспектива либеральной демократии в XX веке // На рубеже веков. – 1997. – № 4. – С. 15–21.
4. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 606 с.
5. Тоффлер О. Третья волна // США – экономика, политика, идеология. – 1982. – № 7. – С. 3–17.
6. Тоффлер О. Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века. – М.: Наука, 1991. – 212 с.
7. Мелик-Гайказян И.В. Информация и самоорганизация. (Методологический анализ) / под ред. В.М. Лисицына. – Томск: Изд-во ТПУ, 1995. – 180 с.

Поступила 31.10.2011 г.

УДК 316.3

СПЕЦИФИКА УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ В НЕСТАБИЛЬНОЙ ВНЕШНЕЙ СРЕДЕ

Ю.А. Никитина, А.В. Корниенко

Томский политехнический университет
E-mail: Ynik@tpu.ru

Исследуется специфика управления социально-экономическими системами в нестабильной внешней среде. Показано, что она не только детерминирует повышенную сложность управления, но и открывает новые возможности в данной сфере.

Ключевые слова:

Социальная система, развитие, кризис, общество, управление.

Key words:

Social system, development, crisis, society, management.

Важнейшими характеристиками современности являются нарастание динамики внешней среды социальных систем и усложнение механизмов их взаимного влияния. В этих условиях обеспечение эффективности управления системами, создающее условия для эффективного управления развитием общества в целом, приобретает особое значение. Тем не менее, итоги конца XX – начала XXI вв. свидетельствуют о том, что данная задача не только обладает высокой важностью, но и является одной из наиболее трудноразрешимых.

В значительной степени это обусловлено спецификой социальных систем, формирующей их отличия от систем природных и технических. Социальная система представляет собой сложно-организованное целое, которое в качестве подсистем и элементов может включать как отдельных индивидов, так и социальные общности различных типов. При этом имеет место двойная детерминация: с одной стороны, действия отдельных элементов и связи между ними (структура) определяют свойства системы как целого; с другой, – система в той или иной степени предопределяет свойства включенных в нее элементов, выступая как единое целое по отношению к среде.

Исследованию социальных систем были посвящены работы таких мыслителей, как П. Бурдьё, И. Валлерстайн, М. Вебер, Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, Т. Парсон Э. Гидденс и др., однако до 80-х гг. прошлого века специфике социаль-

ных систем, определяющей особенности их функционирования и развития в сравнении с природными и техническими системами, уделялось мало внимания. Сегодня это одно из наиболее перспективных, но в то же время проблемных направлений системных исследований.

Анализируя особенности социальных систем, отметим, что прежде всего речь идет о наличии целе- и ценностнообусловленной сознательной деятельности индивидов, обеспечивающей, с одной стороны, управляемое течение эволюционных процессов, а с другой, – наличие так называемой «социальной памяти». Так, Г.И. Рузавин подчеркивает: «...эволюция социальных систем качественно отличается от эволюции природных систем. Известно, что в системах живой природы приобретенные признаки генетически не передаются будущим поколениям, тогда как в социальных системах передача исторического опыта, которую иногда называют «социальной памятью», составляет важнейшее условие их дальнейшего развития. ... В результате этого социально-экономическая и культурная эволюция происходят значительно более быстрыми темпами, чем эволюция природная» [1].

Стоит отметить, что уже сегодня идет речь о формировании новой области научных исследований – социогенетики, в рамках которой изучаются механизмы социальной наследственности – формирования «социальной памяти». Разделяя в целом точку зрения Г.И. Рузавина, мы, однако, счита-